

Л.К. Ильинский

Список повременных изданий за 1918 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.К. Ильинский**
Список повременных изданий за 1918 год / Л.К. Ильинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 309 с.

ISBN 978-5-458-54185-5

ISBN 978-5-458-54185-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

«Список повременных изданий за 1918 год» — непосредственное продолжение работ по регистрации и описанию повременных изданий за последние годы русской жизни. Работы были начаты в 1917 году. Список изданий за 1917 год напечатан Российской Книжной Палатой в 1919 году.

Работа над составлением «Списка» за 1917 г., ее характер, метод и объем выяснены мной в предисловии к «Списку» 1917 г. (стр. 5—21), где полностью приведены выработанные мною инструкции для регистрации и описания изданий.

Это освобождает меня от необходимости перепечатывать инструкции, тем более, что по существу они не изменились. Изменение могло бы быть лишь в результате обмена мнений по затронутым в них вопросам. Но, насколько мне известно, они не подвергались критике. Изменения же в деталях подсказаны были условиями жизни Книжной Палаты и самим материалом.

Об этом необходимо в общих чертах напомнить, чтобы выяснить характер изменений работы над Списком 1918 года сравнительно с таковым же за 1917 год.

Условия работы Книжной Палаты в 1917 году, как мне приходилось указывать (см. Предисловие к Списку за 1917 г., стр. 5—7), не благоприятствовали осуществлению плана по описанию повременных изданий во всей его полноте согласно намеченной инструкции (см. *ibid.* Инструкция № 1 и 2, стр. 10—20). Пришлось ограничиться лишь самым необходимым (см. Инструкция № 3, стр. 7—9).

Ограничение плана подсказывалось и внешними условиями жизни учреждения и обилием материала за 1917 год, когда после февральских событий пресса переживала период безудержной свободы и полного освобождения от всяких сдерживающих начал. Покойный первый Директор Палаты отметил это в своей статье «Наша задача», написанной им в 1920 году для предполагаемого тогда журнала Книжной Палаты, в следующих словах:

«Великая февральская революция сняла вековые оковы с духа русского. Русская мысль получила небывалый простор. В самых глухих уголках земли русской раздается свободное слово, столь свободное теперь, как нигде в мире. Благодаря необычайному политическому подъему издаются газеты и выходят

тысячи листов, воззваний и листовок всякого рода не только в больших и малых городах, посадах, селах, но и в полевых штабах, полках, ротах и окопах»¹⁾.

«Ярким показателем,—продолжает С. А. Венгеров,—этого необычайного оживления периодической печати служит II выпуск «Временника Российской Книжной Палаты», заключающий в себе составленный трудами Л. К. Ильинского и сотрудников его отдела «Список повременных изданий за 1917 год». Составитель и президиум Книжной Палаты не строят себе никаких иллюзий относительно своего регистрирования и в частности полноты «Списка». Февральская революция упразднила цензуру старого режима и центральный орган его—Главное Управление по делам печати—прекратил свое существование около 1 марта. Новый орган свободного научного регистрирования—Книжная Палата на бумаге возникла только 13 мая, а фактически работа ее наладилась не раньше июля или даже августа. Благодаря этому междуцарствию, множество книг и периодических изданий не попало в поле зрения Книжной Палаты и восполнить их отсутствие пришлось окольными путями—изучать объявления, следить за полемическими статьями и т. п. Вот почему при самом оптимистическом отношении можно сказать, что в «Список» Л. К. Ильинского попало не более $\frac{1}{5}$ всего количества периодических изданий революционного периода, но и это дает до 4000 названий. Значение этой цифры станет нам ясно, если мы припомним, что в труде Н. М. Лисовского «Русская периодическая Печать» за *два века* зарегистрировано всего только около 2000 названий»..... «Журнально-газетный «Список» Л. К. Ильинского не есть каталог того, что имеется в наличии в библиотеке Книжной Палаты и что ею доставлено в государственные книгохранилища. Он, как сказано, в значительной степени составлен не только непосредственно, *de visu*, но и по разным косвенным указаниям. Но он, все-таки, твердо устанавливает огромное, небывалое оживление периодической печати первого революционного года»²⁾.

В большой мере выписанная мной из статьи С. А. Венгерова цитата приложима и к «Списку» изданий за 1918 год.

Внешние условия работы в 1918 году мало изменились. Материальная необеспеченность, тяжелые условия самой работы, ставшие уже обычными и, как это ни горько, нормальными, как холод, голод и проч.,—с одной стороны, ненадежность сношений с местами, политическая неопределенность во многих местностях, когда отдельные города и области находились вне влияния единой государственной власти и переходили из рук в руки,—с другой. Все это отражалось не только на аккуратности поступлений материала, но и на полноте поступающего материала. В этом отношении 1918 год был даже, может быть, менее удачен, нежели 1917 год.

Не только это. В жизни самой прессы в это время совершился перелом. Идея огосударствления прессы, установленная декретом, настойчиво проводилась властью и создавала условия, мало благоприятствовавшие развитию прессы

¹⁾ Тирада взята из обращения Книжной Палаты к типографиям и издательствам.

²⁾ Статья С. А. Венгерова: «Наша задача» в теоретической своей части напечатана в Сборнике статей в честь А. И. Малеина: «Sertum Bibliologicum» Изд. 1922, стр. 1—4. Пользуюсь для своих целей рукописью статьи, извлекая из нее фактические данные иллюстративного характера.

вообще и продолжительному существованию отдельных органов. Для иллюстрации приведу несколько фактов из прошлого:

«Приказом Комиссара по делам печати Подбельского возбуждено судебное преследование против газет «Вечерние Вести», «Новости Дня», «Вечерняя Жизнь», «Трудовая Копейка», «Друг Народа», «Родина», «Вперед», «Народное Слово», «Земля и Воля» и «Раннее Утро».

(Вольный Голос Севера. № 48, 14 (1). V. 1918).

«Московские газеты «Трудовая Копейка», «Друг Народа», «Новости Дня», «Раннее Утро», «Наше Слово» оштрафованы каждая на 25.000 р. Газета «Вечерняя жизнь» оштрафована на 50.000 р. и закрыта газета «Всегда Вперед», вышедшая вместо газеты «Вперед» без права выхода под другим названием»:

(Вольный Голос Севера, № 50, 18 (3). V. 1918).

«30 мая 1918 г. по распоряжению Московского Областного военного Комиссариата закрыты почти все газеты, кроме советских изданий и «Новой Жизни». Закрыты: «Наше Слово», «Свобода России», «Заря России», «Раннее Утро», «Родина», «Призыв», «Возрождение», «Слово Народа», «Наше Время», «Новости Дня», «Вечерние Вести» и «Газета для Всех».

(Великая Россия. № 1. 31 (18). V. 1918).

Отдельные органы переживали часто и более сложные моменты. Так:

«Заместитель Комиссара по морским делам Раскольников привлекает редактора «Новой «Жизни» к судебной ответственности за помещение неверных сведений.

(Вечерняя Жизнь. № 3, 25 (12). III. 1918).

«Военно-окружным Комиссариатом по представлению главного Комиссара по военным делам оштрафована газета «Новая Жизнь» на 10.000 р. за помещение статьи Левидова «Разъяснения Троцкого».

(Вольный Голос Севера. № 62, 15 (2). VI. 1918).

«12 июня по ордеру Комиссариата по делам печати закрыто петроградское издание газеты «Новая Жизнь». Газета закрыта за статью Рафаила Григорьева «Война с Сибирью».

(Вольный Голос Севера. № 62, 15 (2). VI. 1918).

За напечатание в номере от 22 июня 1918 г. передовой статьи «Раскройте карты», согласно заявлению Комиссариата по иностранным делам, газета «Новая Жизнь» закрыта.

(Великая Россия. № 17, 23 (10). VI. 1918).

Если к этому еще прибавить корреспонденцию такого содержания:

«Новая Жизнь» вышла в сокращенном размере. Причина этого в том, что автономная комиссия наборщиков взяла на себя роль цензоров, объявила газету погромной и отказывается ее набирать. Приходится временно печататься в другой типографии («Волго-Донской Край», № 14, 19. I. 1918),—

то картина положения печати будет ясна, и станет понятным, что одна и та же газета на протяжении двух месяцев изменяет свое название до шести раз, как это было с газетой «Дело Народа», обращавшейся в «Дело Народное» (14. I), «Дело Народов» (17. I.), «Дело» (2. II), «Дела Народа» (5. II), «Дела Народные» (8. II). После «Новое Дело Народа» за недоставление узаконенных контрольных экземпляров в Комиссариат по делам печати штрафуются в 5.000 р. (Великая Россия № 17, 23 (10). VI. 1918), и наконец: «22 (9). VI. 1918 г. по постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе

зультате моей поездки, случайно сохранился к моему приезду в 1918 г., ибо хранился он в кипах в Архиве Университета. Только благодаря этому он остался при сменах правительств и благополучно к 1919 году прибыл в Палату. В других местах таких случайностей могло и не быть. Между тем—при занятиях повременными изданиями приходится прежде всего учитывать важность момента в силу эфемерности самого материала и отсутствия, в большинстве, сознания его важности. Ведь, есть издания, о которых приходится говорить, что № 1 конфискован в типографии (см. «Вольная Сибирь». Иркутск). Есть издания, печатавшиеся на гектографах, пишущих машинах и т. п. Все эти данные могут быть установлены только, в большинстве случаев, на местах, а не в центре, тем более при современных условиях связи центра с местами и современными средствами этой связи.

III.

Наряду с этим действовали и другие условия, влиявшие на успешность работ. Укажу на возникновение в разных ведомствах и учреждениях отделов, которым в задачу ставилась регистрация печатных произведений параллельно и независимо от работы Книжной Палаты.

О таких предприятиях, конечно, должно было бы говорить, как о желательных явлениях, как о показателе интереса к библиографии. Они могли бы служить лишь пользе самого дела, если бы их деятельность шла нормальным порядком. Но в том-то и дело, что традиционные, унаследованные «межведомственные трения», желание делать все независимо от других, а иногда даже с тенденцией получить и привилегию и монополию, — создавало из этих учреждений для такого учреждения, как Книжная Палата, невероятно тяжелые условия.

Так, в Петербурге было опубликовано следующее постановление Комиссара печати:

«По постановлению Комиссара печати, агитации и пропаганды все типографии, не представившие в Смольный, комната № 48 (для Музея Народной Печати), изданий, вышедших с 1 января, обязаны представить по два экземпляра всех книг, брошюр и механических рисунков.

В случае неисполнения этого постановления будут приняты строгие меры».

В Москве, наряду с отделением Книжной Палаты, возникает Информационное Бюро, ставившее своей целью регистрацию повременных изданий, выпустившее даже Список изданий. Информационные отделы возникают, при общей тенденции учреждений расширяться до крайних пределов, почти при каждом учреждении.

Все это было бы очень хорошо и могло бы оказать громадную пользу общему делу. Но каждое учреждение, каждый отдел считал себя вполне компетентным и независимым учреждением, не желая считаться с возникшими раньше учреждениями, приемами их работы и т. д. И в целом ряде отделов учреждений производилась однородная работа, но она шла разными путями, что приводило к таким работам, как Справочник Московского Информационного Бюро, о котором речь еще впереди. В большинстве же даже неизвестны оставались результаты работ этих учреждений. И трудно сказать, особенно в отно-

шении газет, насколько все эти усилия оправдали затраченные силы и средства на эти работы. Во всяком случае сил тратилось много и непроизводительно, а центральное учреждение научного характера было загружено в своей работе, ибо опять приходится повторять, что сила простого убеждения и убеждения «строгих мер» не могли спорить. Победа была на стороне вторых.

Таковы были условия — внутренние и внешние, — в которых протекала работа Книжной Палаты, не принявшей «строгих мер» для получения в свое распоряжение узаконенных экземпляров. Подтверждение закона о доставлении в Кн. Палату узаконенного числа экземпляров, изданное Комиссаром А. В. Луначарским, немногим изменило создавшееся положение, ибо это было циркулярное распоряжение, не носившее декретарного характера.

Естественно, при таких условиях жизни учреждения, при составлении «Списка поврежденных изданий за 1918 г.» большую долю работы приходилось выполнять очень осторожно, рассчитывая на уплывающий из поля зрения материал.

С этой целью в свое время на страницах Книжной Летописи был мною напечатан «Предварительный список изданий, начавших выходить в первую половину 1918 года» (Кн. Летопись 1918 г. №№ 38—41, 42—43, 46—50) и во вторую половину 1918 г. (Кн. Лет. 1919 г. №№ 12, 13, 14—16, 17).

Предварительный Список печатался с целью вызвать сообщения дополнительных сведений с мест от лиц, интересующихся работой над поврежденными изданиями.

Если не во всем объеме оправдались надежды на Предварительный Список в этом отношении, но все же результаты были и сведения поступали и частично и в виде составленного перечня изданий отдельных городов, об одном из них — Списке калужской прессы Д. П. Малинина — я скажу в дальнейшем.

Но уже «Предварительный Список» определял характер работы над общим «Списком 1918 года», где преобладали источники литературного характера над непосредственным изучением и описанием материала.

IV.

Литературные источники, в силу указанных условий жизни прессы и Книжной Палаты, получили преобладающее значение. Это обстоятельство налагает некоторый отпечаток на весь «Список». Дело в том, что регистрационная работа разных учреждений шла разными путями, нежели как это было выработано в Российской Книжной Палате.

И сведения, получавшиеся путем ознакомления с другими Списками, были не всегда равномерные. Да не всегда за эти сведения можно было поручиться. Иллюстрирую это кратким обзором источников.

«*Бюллетень Информационного Отдела*» (Москва) дает простой перечень названий с указанием города. Других сведений не сообщается. К сожалению, приходится говорить не только о неполноте списка. Она, очевидно, не ставилась в задачу. Перечень изданий случайный, далеко не захватывающий всей территории государства. Кроме того, сведения Информационного Отдела не дают точного и правильного названия издания. Известия Советов Рабочих Депутатов разных городов обозначены лишь как Известия Совета или Известия

Уездного Совета. Между тем заголовки этих изданий, составляющих $\frac{1}{8}$ часть всех изданий года (по «Списку» составленному мною «Известий» 356 номеров на общее число 2828 всех изданий года¹⁾), носят, как можно видеть из нашего Списка, самые разнообразные названия. И проверка материала, сообщенного Информац. Отделом, с наличием экземплярами лишь подтвердила такие предположения. Насколько возможно, сообщения Отдела были проверены, но кое-что из «Бюллетеня» вошло в «Список» в формулировке Отдела, напр. Известия Уездных Советов Раб. Депутатов (стр. 112).

Такой же источностью сведений отличается и присланный в рукописем «Список Киевской Книжной Палаты». Правда, название изданий дано согласно поступившим в Киевскую Палату экземплярам, но сведения о времени существования издания даны на основании лишь тех номеров, какие имелись в наличии в распоряжении Палаты, без всяких попыток указать на время начала издания. Отсюда—неполнота списка и крайняя скудость сведений об отдельных изданиях. Это просто охранный список имеющегося материала в Палате. Им можно было пользоваться лишь для пополнения количества названий, но не больше, совершенно не считаясь со сведениями о времени начала выхода издания и его судьбы.

Наиболее точный и обстоятельный список был прислан Самарской Книжной Палатой, давшей сведения, хотя и не полные, о Казанских, Симбирских, Самарских, Саратовских и Оренбургских изданиях. Некоторые издания, правда, вошли сюда только в названиях, но таких сравнительно немного. На основании их можно было составить уже определенное описание по инструкции Палаты, пополнить ими имеющиеся сведения в Палате, внести поправки и дополнения на карточки Палаты.

Список калужской прессы, упомянутый уже мною, представляет из себя дополнительные сведения о повременных изданиях г. Калуги к напечатанному Предварительному Списку и составлен Д. И. Малиным применительно к сведениям, даваемым в нашем Списке.

Большинство перечисленных Списков получены были мною уже после предварительной работы над материалами Рос. Книжной Палаты. И все они послужили для проверки и дополнений Списка.

Еще позднее были получены сведения об украинской и сибирской печати.

Сведения об украинской печати получены из журнала «Книгарь». Летопись украинского письменства. Київ. 1918. В 1918 г. вышли №№ (числа) 5—16. В виду полного почти отсутствия каких-либо сведений об украинской прессе, Книгарь явился одним из важных источников для Списка, как и Список Киевской Книжной Палаты. Правда, «Книгарь» захватывает материал количественно меньший, нежели Список Киевской Палаты, но в смысле полноты сведений и их точности безусловно ценнее.

Но сведения «Книгаря» неравномерны. Они почерпаются из объявлений, рецензий о журналах, хроники, перечня периодич. изданий, помещаемых время

¹⁾ Подсчет приблизительный. От всяких статистических иллюстраций и группировок я сознательно уклоняюсь, ибо статистика печати должна вестись, если она производится, не путем простого подсчета, как обычно, а иными методами. (См. мою книгу «Книжная Летопись за полтора года». Петр. 1922 г. стр. 48—49.

от времени в книжках журнала, и наконец в № 16 был помещен «Реестр украинської періодичної преси за 1918 рік (стр. 1004—1009).

Список дан очень краткий, далеко не отвечающий вопросам нашего Списка. Он дает сведения, кроме названия и подзаголовка, о месте и времени издания и редакторе. Больше дают объявления и дополнительные сведения о характере издания рецензии.

Наконец, уже пред самым печатанием мною из Иркутска была получена книга Г. И. Поршнева: *Книжная Летопись Иркутска за годы революции (1917—1919 г.г.)* Иркутск, Губернская типография, 1920, стр. 1—73, где на стр. 37—42 помещен список периодических изданий за 1918 г. В список вошли 72 названия газет и журналов.

Как и вся книга, список составлен обстоятельно и сведения об изданиях даны более или менее полные, насколько позволяли, конечно, самые издания. Составленный на месте своевременно список дает часто очень ценные сведения о таких изданиях, которые совершенно при других условиях исчезли бы от учета, как, напр., сведения о конфискованных в типографиях изданиях, изданиях, отпечатанных на пишущей машине, гектографе и т. д.

Правда, сравнительно с пмевшимися в моем Списке данными Иркутская Летопись дала немного новых названий (около 9 из 72), но и этот момент очень ценный, как показатель результатов нашей работы. В этом отношении Иркутская Летопись дала некоторое удовлетворение работе. Но она дала и большее. К тем изданиям, какие уже вошли в наш Список, Иркутская Летопись дала материал для проверки и дополнений.

Кроме этих источников, сведения о повременных изданиях почерпались из всех газет и журналов, где еще в начале года помещались и объявления, а при исчезновении их, в силу монополизации объявлений, стали помещаться хроникерские заметки о вновь появляющихся изданиях, о судьбе и переживаниях существующих. Таковые, более или менее систематические обзоры помещались, напр., в Новой Жизни, где был специальный отдел получаемых редакцией сведений о повременных изданиях. Очень хорошая традиция установилась в кооперативных журналах—давать обзоры кооперативной прессы. Такой обзор дан был в Вестнике Кооперативных Союзов. (Москва). «Список кооперативных журналов и газет». (См. о нем сообщение в Вольн. Голосе Севера. № 50, от 18 (5) V. 1918—«Кооперативная Печать»). В Вольной Кубани (1. I. 1918. № 1) помещена статья Б. Городецкого: Кубанская литература в 1917 г., где дан обзор повременной печати. В газете «Власть Народа» (№ 41, 23 (10) III. 1918) в отделе «Рабочая Жизнь» даны сведения о наиболее видных профессиональных журналах в «Бирюче Государств. Театр.» помещена статья Л. К. Ильинского «Театральная пресса 1917.—1919 г.» (II Сборн. статей II-гр. 1921. Стр. 308—317) и т. д.

Таких статей и обзоров появилось довольно много, и они в значительной степени помогали работе, увеличивая данные о повременной печати—и количественно и качественно.

К этому краткому перечню источников необходимо прибавить целый ряд тех сведений, какие получались в результате просмотра газет и журналов, объявлений в них, рецензий, обзоров печати, полемических статей, информационных заметок и проч., что также давало возможность устанавливать налич-

ность тех или иных изданий, которые не могли быть доставлены по каким либо причинам, из указанных уже мною, в Книжную Палату. Я не перечисляю этих источников, ибо в Списке даны указания на источники.

Последнее введено было в Список, как методический прием, правда, до сих пор еще в таких работах не применявшийся, но с моей точки зрения необходимый. Необходимый, именно, в силу и обилия источников и разнообразия принятых в них описаний. Простой внешний просмотр нашего «Списка» показывает, что в порядке и количестве данных об изданиях существует чрезвычайное разнообразие, что необъяснимо с точки зрения принятой однообразной системы. Объяснение этого несоответствия требований инструкции и реального материала может быть только в точном указании тех источников, откуда эти сведения были почерпнуты.

Те издания, которые не имеют указаний на источник—и есть наличный материал, имевшийся в распоряжении Российской Книжной Палаты. Этот материал весь описан «de visu» с экземпляров Палаты.

Но и об этом материале необходимо сказать несколько слов.

V.

Дело в том, что и просмотр этого материала не всегда приводил к желательным результатам.

Пресса в отношении к самой себе изменилась. Были некоторые обязательные элементы,—наследие культурной традиции—без которых прежде не мыслилась газета, журнал. Это сознание своего прошлого, забота о себе, как создателях данного органа. Сознание это внешне выражалось в сообщении сведений о газете—о начальном годе издания, месте издания, времени выхода, издателя, редакторе и т. д. Сведения эти,—необходимые сами по себе,—часто определяли ценность издания, его внутренней стороны. А отсюда складывалось и отношение читателя к тому или иному изданию.

В новой прессе эти обязательные элементы традиции перестали носить характер обязательности. Прежде всего, конечно, огосударствование прессы сделало излишним какое-либо проявление индивидуальных начал во мнениях, оценках, освещении фактов и событий. В этом отношении характерным является своего рода анонимность редакторов. Введено было коллегиальное начало в редакцию, начало в основе своей зиждущееся на недоверии к личности, необходимости контроля над мыслью, мнением в связи с обязательностью для него уложиться в соответствующие рамки. И просмотр прессы показывает, что на три четверти во главе газеты стоят Редакционные Комитеты, Коллегии, скрывающие за этим общим понятием неизвестно кого. Такое обозначение не говорит ничего уже само по себе, не отражается оно и на характере издания, равняя по определенному курсу и содержанию газеты.

Издатель, конечно, отсутствует, ибо таковым в большинстве является официальный орган—Совет, союз, отдел и т. д. Но здесь находим и большее. Даже и такой многоликий издатель не считает часто нужным выявляться. О нем приходится догадываться или из подзаголовка, или из объявления, или же из информации, где помещено соответствующее постановление коллегии, или же из передовой статьи, где иногда рассказывается история воз-

никновения органа. Напр. «Зарево» (Петроград), или, еще характернее — «Красные Выходы» (Ядрин, Казан. губ.). Я уже не говорю о тех затруднениях, какие представляла собою современная криптографическая номенклатура названий учреждений, широкой волной хлынувшая в обращение. То, что раньше было простым техническим телеграфным приемом, выйдя за пределы узкой специальной техники, выродилось в спорт на непонятность. И часто трудно, а иногда и невозможно было раскрыть эту тайнопись, особенно провинциальных или профессиональных учреждений. Обыденность сокращений для лиц, заинтересованных в такой организации, создавала для них психологическую иллюзию уверенности в понятности и известности для всех такого сокращения. В силу этого о расшифровании не заботились.

Часто совершенно не упоминается о времени выхода издания. Правда, при эфемерности изданий не всегда было возможно предусмотреть будущее завтрашнего дня. Но это лишь в отношении частных изданий, где мы и находим признание своей неуверенности на завтра. Но в том то и дело, что та же черта характеризует и издания официальные. Приходилось просто улавливать периодичность издания путем сопоставления времени выхода ряда номеров.

Бывали странности и такие, что в газете не указано место выхода. При той общности названий, отсутствия в них разнообразия и конкретности, как «Голос Труда», «Воля Народа», «Власть Народа» и др., трудно было по названию установить место выхода. Приходилось и здесь обращаться к изучению самого содержания, отыскивая в нем каких либо конкретных данных в хронике, в информации, в обозначении типографии и т. д.

Конечно, таких казусов не было бы, как не было их в 1917 году, когда были обязательны сопроводительные списки при изданиях, которые представлялись из типографий. В 1918 году эти списки далеко не всегда вкладывались в посылку с места, где типография представляла экземпляры чрез посредство местных официальных учреждений, а не в Рос. Книжную Палату. Новые Отделы печати заинтересованы были в типографских списках сами, а переписка их при посылке в Палату не всегда входила в кодекс их формальных обязанностей, как последние понимались учреждениями.

Все эти условия жизни прессы отражались на ходе работ при регистрации повременных изданий, приводя к необходимости детализировать пункты инструкции и внимательно просматривать отдельные номера изданий, доходя иногда до необходимости их изучения.

Оставляю пока в стороне сводку выводов из всего сказанного. Отмечу все изменения приемов работы в конце, когда будут исчерпаны все изменения. Перейду к следующему пункту, оразившемуся на общем плане Списка.

VI.

Внутренний характер переживаний прессы определял собою ее внешние особенности, определил также и необходимость отметить в Списке такие ее стороны, как характер появлявшихся и существовавших изданий.

Временные правила о печати, появившиеся еще в момент жизни прессы частной, — государственствование прессы, закончившееся усилением и господством

прессы официальной, выразительницы мнения одной общественной группы, создали ту борьбу, которая отражала собою и переживавшуюся всеми перестройку жизни на новых началах.

Пресса в этом отношении дает любопытный и показательный материал. В свое время, как это сообщалось (см. «Новости». Петроград. 1917, № 1 «О положении печати»), мною была предпринята и начата работа о тех переживаниях, какие характеризует собой жизнь печати в рамках государственных событий. Собранный материал, конечно, не скоро увидит свет, но он дает возможность наметить основные этапы, пройденные прессой.

Можно наметить три момента: 1) момент *борьбы* со старыми началами жизни, 2) *пропаганды* новых начал и идей и 3) *строительство* новой жизни.

Конечно, об этих моментах приходится говорить не как об отдельных, последовательно шедших периодах. О периодах этих мы говорим в общепринятом их понимании, как условных делениях, фактически слитых один с другим и не поддающихся строгому хронологическому делению.

С другой стороны эти моменты являются, конечно, не исчерпывающими все разнообразие прессы. Остаются в стороне, как научные, так, частями, кооперативные, театральные и др. издания, где борьба, пропаганда и строительство шло, но шло своими путями, часто вне первого момента — борьбы. А если была борьба, то шла она во имя иных начал. Намечая моменты, я имсю в виду прежде всего общественно-политическую прессу, где эта борьба шла в широких размахах государственной жизни.

Еще одна оговорка. Пресса провинций, охваченных восстаниями и часто переходивших из рук в руки, временами совершенно ускользавшая из поля зрения, конечно, переживала те же моменты, но регистрация ее далеко не полна, а в силу этого она не может отразить всей полноты переживаний отмеченных моментов. И о таких мотивах, что слышатся в программах «Волжской Трибуны» (Самара), «Трибуны» (Москва), «Призыва» (Петроград), как отголосках иных идеологий, я не буду говорить. Это лишь частные моменты.

Показательнее призывы официальной (органы Советов) и официозной (органы Р. К. Партии) прессы, как выразительниц мнения господствующего класса. Те призывы, что основаны на предпосылках классового противоречия («Рабочее Дело», Симбирск); они в претворениях житейской конкретизации вылились в призыве смерти дворцам («Знамя Революции», Томск), уничтожения с корнем контр-революции («Еженедельник Чрезвычайных Комиссий.... Москва), тайных и явных врагов революции («Коммунар». Петроград) во имя завоеваний октябрьской революции («Коммунар». Тверь) против всяких посягательств на народную власть («Известия».... Сингелей, Симб. г.) и покушений на нее («Знамя Революции. Пенза).

Такова общая постановка вопроса. Ею определяются и методы борьбы («Еженедельник Чрезвычайных Комиссий».... Москва. Бедняк. Смоленск) и решение отдельных вопросов жизни. Провозглашается борьба за завоевание труда во имя освобождения его от капитала («Известия Сов. Нар. Комиссар. Москва), за обладание наукой и искусством («Грядущее». Москва).